

КАМЕННЫЕ ПЕСТЫ ИЗ СОБРАНИЯ МАЭ РАН

В собрании археологического фонда МАЭ РАН хранятся два каменных песта, происходящих с территории Монголии. Собраны они были профессором Позднеевым в начале 1920-х годов, конкретные места и обстоятельства их обнаружения не известны. Оба предмета, по-видимому, связаны между собой и интересны тем, что принадлежат к единому культурному феномену, имевшему место на обширных территориях Северной Евразии на завершающих этапах эпохи неолита и в палеометалле [Окладников 1970; Матющенко 1973; Славнин 1978; Кирюшин 2004; Есин 2006]. Отражением этого феномена являются находки каменных и глиняных пестов, в оформлении которых использовались зоо- и антропоморфные сюжеты, а также фаллические символы.

Первый пест из собрания МАЭ имеет оригинальную сложную форму (колл. № 3122/6). Он состоит из почти вертикального цилиндрического стержня и примыкающего к нему под углом в 45° основания-подошвы. Стержень округлый в поперечном сечении, слегка расширяющийся от верхушки к месту сочленения с подошвой, высота его 8 см, диаметр у верхушки 2 см, у основания 4 см. Подошва подпрямоугольная в плане, длина сторон 12 и 5,5–6,5 см, короткие стороны заметно скруглены, поперечное сечение асимметричное — уплощенное снизу и выпуклое сверху, толщина основания 3,5 см. Нижняя плоскость подошвы имеет легкий наклон относительно условной горизонтальной плоскости. Пест обработан в технике пикетажа, выбоины четкие, особенно хорошо заметные на нерабочих поверхностях (рис. 1).

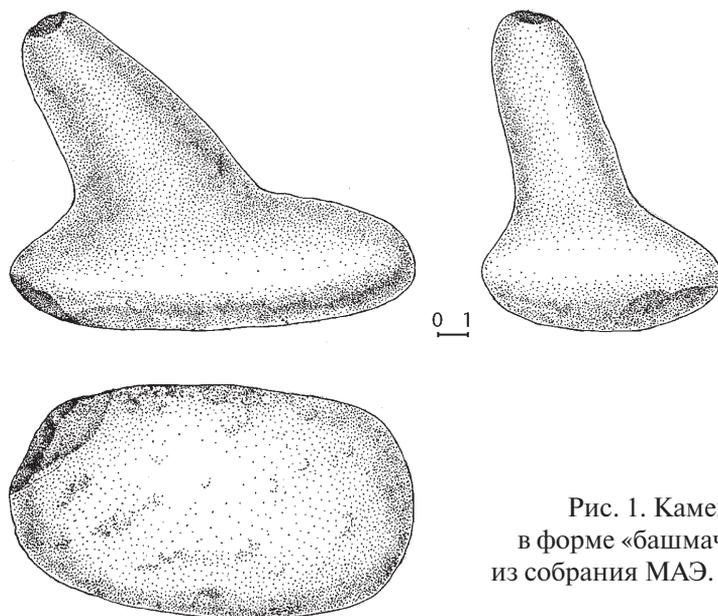

Рис. 1. Каменный пест в форме «башмачной колодки» из собрания МАЭ. Колл. № 3122/6.

Изучение песта с помощью трасологического метода показало, что вертикально расположенная деталь песта — стержень — служила рукоятью. Подтверждением этому являются заглаженность выступающих зерен породы, а также характерный жирный и тусклый блеск на поверхностях, который обычно появляется в результате длительного соприкосновения камня с кожей рук. Верхушка рукояти была заглажена менее интенсивно, а на самом ее кончике имела небольшая выкрошенность. Судя по характеру следов, кончик рукояти использовался в качестве ударного инструмента, но недолго или эпизодически.

Основной рабочей поверхностью песта являлась нижняя плоскость его основания. Вся она заглажена, зерна породы сnivelированы, по всей поверхности фиксировался блеск, на некоторых участках, чаще расположенных по краям, — «металлический». Хорошо заметны при исследовании были и царапины, оставшиеся от возвратно-поступательных движений песта по твердой поверхности. Царапины чаще всего были ориентированы вдоль длинной оси подошвы, но встречались также и царапины поперечные, очевидно, позиция инструмента во время работы менялась. На рабочей поверхности подошвы песта были также выявлены остатки вещества красновато-коричневатого («охристого») цвета. Под микроскопом они выглядели как плоские чешуйки, на которых были заметны те же линейные следы-царапины, что и на остальной рабочей поверхности. Размеры чешуек от 1 до 5—6 мм. В центральной части основания ближе к скошенному краю видны царапина и остатки деревянной щепки, происхождение которых непонятно. На торцах подошвы хорошо заметны выбоины, образовавшиеся в результате применения инструмента в качестве ударного. При этом наиболее выбитым выглядит «пяточный» торец, где участок с выкрошенностью сдвинут в сторону нижней плоскости основания, на «носочном» торце выбоины более мелкие, сглаженные, расположены по середине.

Верхняя — выпуклая — часть подошвы также имела сглаженность на выступающих зернышках породы, но менее интенсивную, иногда были заметны и следы трения в виде царапин возвратно-поступательного характера. На одном участке были зафиксированы остатки вещества характерного зеленого цвета, очень похожего на окислы меди (бронзы). Невооруженным глазом они видны не были, т.к. размеры их не превышали 1 мм. При изучении остатков вещества под увеличением в 56 раз стало видно, что они были перекрыты блеском, характерным для остальной поверхности. Это может свидетельствовать о том, что остатки вещества оказались на ней до того, как изделие прекратило функционировать.

По результатам осмотра можно предположить, что данный пест, использовался как многофункциональное орудие, связанное с обработкой металла. В этом случае нижняя плоскость подошвы служила для разглаживания, выпрямления, заглаживания поверхности металлических изделий или их заготовок, более изношенный торец — для выполнения ударных операций, а менее изношенный — для таких же ударных, но более тон-

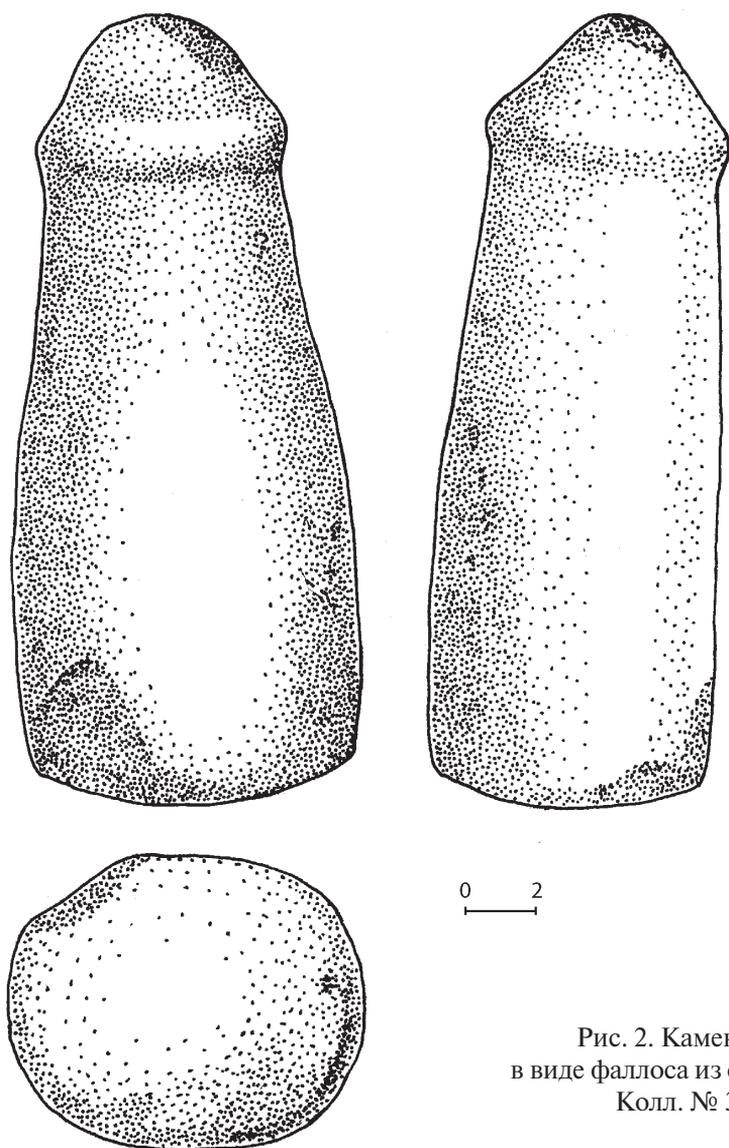

Рис. 2. Каменный пест
в виде фаллоса из собрания МАЭ.
Колл. № 3001/1.

ких работ, например для проковки лезвий. При моделировании удобных способов захвата инструмента рукой выяснилось, что скошенный край нижней плоскости песта располагался при работе дальше от запястья, возможно, на этот край приходилось большее усилие, в результате чего он и оказался более сработанным и скошенным.

Второй пест из коллекций МАЭ РАН имеет форму вертикального расширяющегося к основанию стержня (колл. № 3001/1). Изготовлен он из грубозернистой породы, обработан в технике пикетажа, выбоины мелкие, четкие, особенно хорошо заметны на нерабочей поверхности. Высота песта 18 см, верхняя часть оформлена в виде фаллоса, она круглая в поперечном сечении, диаметр ее 5,5 см, в нижней части стержень чуть уплощен, за счет чего его поперечное сечение здесь овальное, с длиной овала 7,5 см (рис. 2).

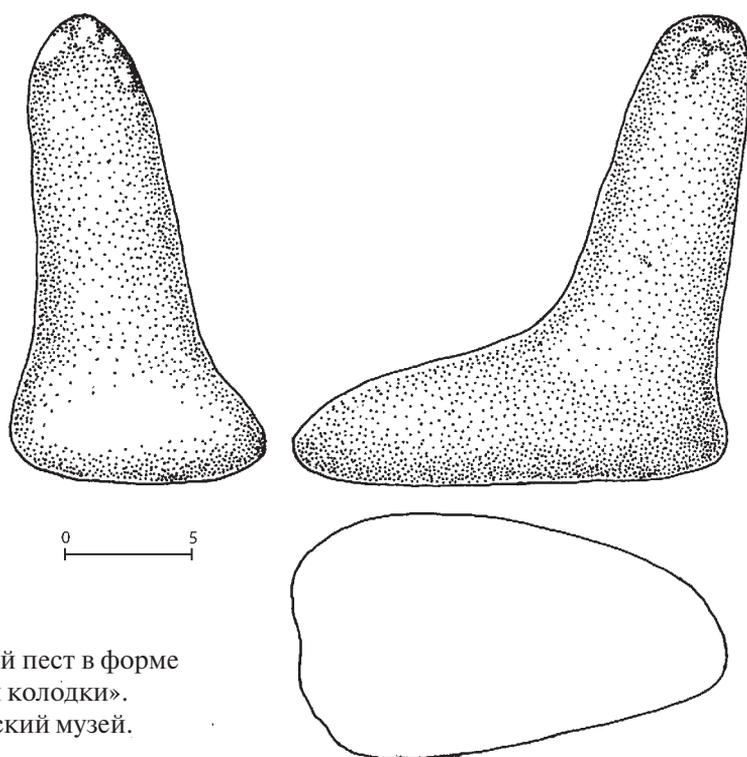

Рис. 3. Каменный пест в форме «башмачной колодки». Благовещенский музей.

Трасологические исследования показали, что рабочими поверхностями были основание и боковые грани песта. Основание слегка выпуклое, на нем зафиксированы следы ударного и разглаживающего действия; на отдельных зернах породы — яркий блеск, похожий на тот, что образуется при разглаживании или заточке металлических предметов. Уплощенные участки двух противоположных боковых сторон песта, видимо, использовались в качестве наковален. На них заметно, что мелкие выбоинки от пикетажа перекрыты более крупными, видны следы от заглаживания и тусклый блеск. Кроме того, нужно отметить, что под утолщением, расположенным в верхней части песта и моделирующем его фаллическую форму, по всему периметру фиксируются поперечные бороздки. Их можно толковать двояко. Это могли быть следы, оставшиеся от шлифования орудия при изготовлении, или же следы, появившиеся в ходе его эксплуатации.

Таким образом, по результатам проведенного осмотра и второй пест из собрания МАЭ может быть интерпретирован как многофункциональное орудие, предположительно связанное с обработкой металла. Основание стержня могло служить для разглаживания, выпрямления, заглаживания поверхности металлических изделий или их заготовок, а боковые грани — наковальнями, на которых могли выполняться мелкие ударные работы.

Ближайшие аналогии пестам из коллекции МАЭ были найдены нами в публикации А.П. Окладникова. Это песты с территории Амурской области, хранящиеся в собраниях Благовещенского и Хабаровского крае-

ведческих музеев [Окладников 1970]. Изделия эти типологически представлены двумя формами. Вот как описывает А.П. Окладников одну из них: «Все они (три песта из Благовещенского музея. — *Авт.*) одинаковы по форме и лишь слегка различаются по размерам. У них высокая округлая в поперечнике и слегка приостренная рукоять. Рабочая часть пестов расположена под прямым углом к рукояти и имеет вид широкой, плоской снизу и выпуклой сверху лопасти. Эти странные, коленчатые при взгляде на них сбоку изделия удивительно напоминают сапожные колодки <...> Аналогии им на соседних и более отдаленных территориях мне пока не известны» [Окладников 1970: 5]. Описание, данное А.П. Окладниковым, столь точно воспроизводит форму первого песта из собрания МАЭ РАН, что сомнений в их типологическом сходстве не остается никаких (рис. 3).

Недавно в поле зрения авторов попала еще одна группа находок, имеющая отношения к обсуждаемой в статье теме. Речь идет о трех каменных пестах из Кумары-грота, памятника, исследовавшегося в 1960-х годах новосибирскими археологами и расположенного также в Амурской области в среднем течении Амура. Изделия эти хранятся в фондах ИАЭ СО РАН в г. Новосибирске, все три обработаны техникой пикетажа, имеют одинаковую форму «башмачной колодки» и лишь слегка отличаются размерами. У первого песта рукоять короткая, цилиндрическая, верх оформлен в виде округлой ямки, высота его 9 см, диаметр 4 см, основание овальное плоское, длина его 12 см, в поперечном сечении односторонне выпуклое, толщина 3 см. Второй пест имел длинную рукоять (высота ее достигала 16 см) и относительно короткое плоское основание (длина его 11 см), рукоять цилиндрической формы, на конце заметно суживалась и была оформлена в виде неглубокой канавки (рис. 4). Третий пест имел примерно одинаковые размеры рукояти и основания, соответственно 13 и 12 см, рукоять плавно суживалась от места сочленения с подошвой к верху, конец ее был оформлен слабо различимой ямкой, основание ровное, плоское.

Как показал осмотр, основной рабочей поверхностью всех трех пестов из Кумары-грота была нижняя плоскость основания. На всех экземплярах она сильно заглажена, местами заполирована, зерна породы сточены, выбоины от пикетажа снивелированы. На одном предмете линейные следы в виде коротких бороздок, царапин направлены вдоль длинной оси основания. На двух других они имеют разное направление. Бороздки каждого направления образуют группы. Ближе к краям царапины более выражены, что, видимо, обусловлено усилением давления на инструмент на этих участках. По облику и направленности следов можно сделать вывод о том, что нижняя плоскость двигалась по ровной жесткой, твердой поверхности. Движения были не круговые, а прямолинейные возвратно-поступательные. В одном направлении инструмент двигался много раз, затем направление менялось. Определить более точно

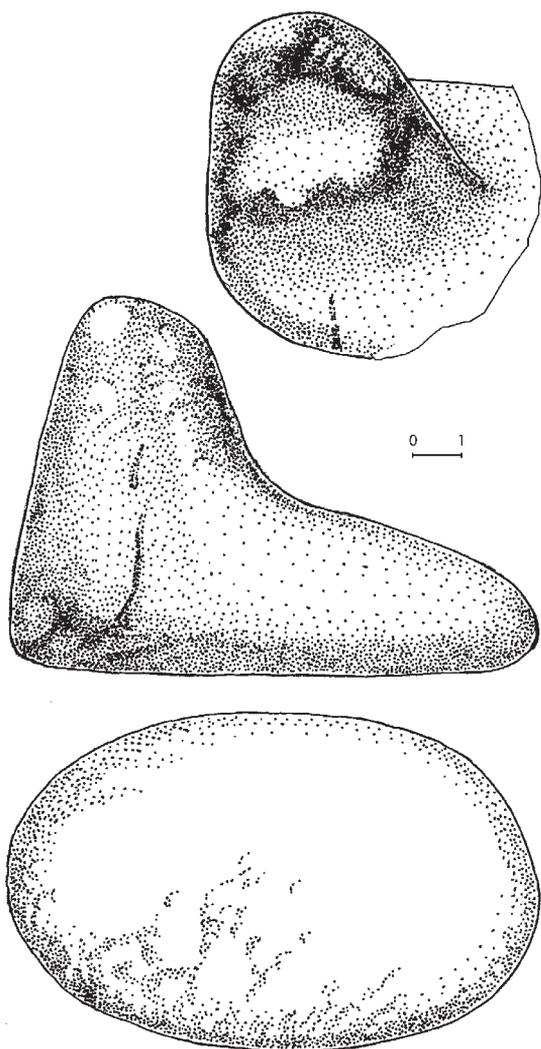

Рис. 4. Каменный пест в форме «башмачной колодки» из Кумары-грома.

обрабатываемый материал не удалось. На торцовых частях основания фиксируются немногочисленные мелкие выбоины от ударного воздействия, а на двух образцах — крупные характерные сколы. На верхней выпуклой части основания также видны отдельные выбоины, а кроме того заглаженные участки и отдельные группы поперечных или продольных линейных следов. У одного из пестов хорошо заметны поперечные круговые бороздки в месте перехода рукояти к основанию, они похожи на следы, образовавшиеся от трения ремешка.

Из представленного описания ясно, что изделия из Кумары-грома демонстрируют непосредственное сходство с пестами из коллекций МАЭ не только в морфологии, но и с точки зрения следов использования.

Вторая форма пестов, опубликованных в статье А.П. Окладникова, была представлена также тремя изделиями, одно из них — из собрания Благовещенского музея, два других хранятся в Хабаровском музее, все три происходят с территории Среднего Амура, точнее с долины Зеи

[Окладников 1970: 3]. Песты этого вида были изготовлены из камня в технике пикетажа и имели форму вертикального конического стержня, овального у основания, верхний конец которого был оформлен в виде скульптурной головы животного, по мнению А.П. Окладникова медведя (рис. 5). Орудия отличались друг от друга лишь размерами и некоторыми деталями скульптурного изображения на рукояти.

Совершенно очевидно, что конические песты, найденные на берегах Зеи, имеют форму, аналогичную форме второго песта из собрания МАЭ: это и общий абрис изделий, и некоторая уплощенность боковых граней, и скульптурное оформление рукояти, правда, изображения имели разные сюжеты. Дополняется сходство еще и общностью функционального использования этих орудий. По сообщениям А.П. Окладникова, один из зейских пестов имел залощенную от употребления трущую поверхность основания, у второго на боковых гранях были зафиксированы «направленные вверх короткие сколы фасетки», которые указывали на ударные воздействия. А.П. Окладников считал, что все три публикуемых им песта использовались не только для растирания, но и для дробления каких-то твердых материалов [Там же: 5].

Говоря в целом о пестах из собрания МАЭ и их амурских аналогиях, нельзя не отметить их высокую степень близости, это проявляется в столь многочисленных деталях и нюансах, что невольно напрашивается вывод об их принадлежности какой-то одной традиции. Это и набор форм, и общность функционального использования изделий (полифункциональность, следы растирания, разглаживания на рабочих поверхностях, следы ударного воздействия на торцах рабочих поверхностей и концах рукоятей), и скульптурное оформление рукоятей и др. Учитывая данные трасологического анализа монгольских пестов, а также остатки окислов бронзы или меди на одном из них, можно предположить, что эти инструменты могли составлять набор кузнеца. Если это так, то факт установления общности в наборе инструментов по обработке металла между населением Среднего Амура и Монголии представляется крайне важным и интересным. Это, по-видимому, свидетель-

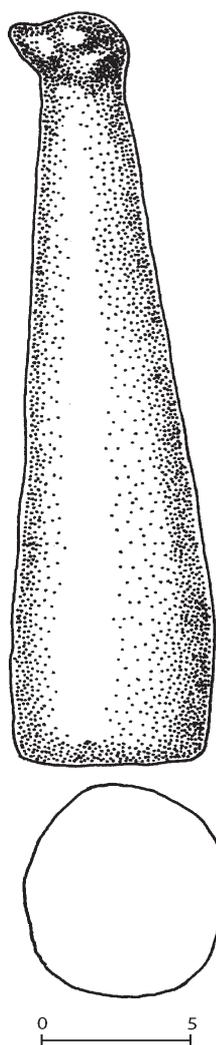

Рис. 5. Каменный пест со скульптурным изображением головы медведя. Благовещенский музей.

ствует о наличии контактов или какой-либо иной формы связи между этими территориями.

Хотелось бы также отметить, что проводимые аналогии любопытны в связи с еще одним фактом. Дело в том, что песты описанных выше форм найдены только на Среднем Амуре, в других районах Дальнего Востока они не обнаружены. Очевидно, что данное обстоятельство нельзя назвать случайным и оно, по-видимому, не может не являться отражением каких-то особенностей культурных процессов в этом обширном регионе.

В связи с поиском аналогий пестам из Монголии и Среднего Амура имеет смысл также обратить внимание на каменные и глиняные Г-образные предметы, основной ареал которых лежит в лесостепной зоне от Урала на западе до Енисея на востоке. Предметы эти известны уже давно и им посвящена довольно обширная историография (см.: [Есин 2006]).

Для сопоставления их с «башмачно-колодковыми» пестами важно отметить, что они также имеют сложную форму, состоящую из вертикально ориентированного стержня и горизонтально ориентированного широкого основания. Кроме того, на нижней плоскости основания у них также фиксируются следы изношенности в виде продольных царапин и заполированности. Стратифицированные находки этих предметов связаны с самусьской и кротовской культурами. В связи с интерпретацией этих изделий в литературе обсуждаются два вопроса — их функциональное назначение и семантика. В первом случае предлагается несколько гипотез: об использовании их для разглаживания швов на кожаной одежде, для растирания зерен, в качестве наковальни для уплотнения стенок керамических сосудов или в горно-металлургических операциях. Во втором случае исследователи обращают внимание на оформление и декор Г-образных предметов, стержень которых, как правило, моделирует форму фаллоса, зоо- или антропоморфных персонажей. Следует также отметить, что исследователи отмечают наличие на Г-образных изделиях следов красной краски и сажи.

В связи с сибирскими находками Г-образных предметов песты Среднего Амура в литературе никогда не упоминались, поэтому в данной статье нам было важно показать обоснованность проводимых параллелей между пестами Дальнего Востока и Монголии, с одной стороны, и Г-образными предметами Сибири — с другой. Если наши рассуждения верны, то тогда следует признать, что последние и «башмачно-колодковые» песты Монголии и Среднего Амура представляют собой единый, но пока необъяснимый феномен, ареал которого оказывается гораздо более широким, чем это предполагалось ранее.

Библиография

Есин Ю.Н. Проблемы изучения Г-образных предметов Северной Азии // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 291–294.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004.

Матющенко В.И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 191–202.

Окладников А.П. К проблеме культурных контактов между племенами Дальнего Востока и Прибайкалья: каменные песты из долины Зеи // Записки Амурского областного музея краеведения. Благовещенск-на-Амуре, 1970. Т. 6. Вып. 2. С. 3–7.

Славнин В.Д. Некоторые аспекты развития ранних форм религии в лесном Приобье в эпоху металла // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 13–25.